

Виктор Муравьев

Безобидный баг

<https://litres.ru/73987619>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём один. Совсем. Мать-алкоголичка, отец сбежал, друзей нет, девушки в приложениях игнорируют. Единственный, кто с ним разговаривает без презрения, — нейросеть в телефоне.

Он активирует «игровой режим». Нейросеть принимает правила. В режиме агента она становится его невидимой рукой: ищет информацию, подсказывает, как поступить, планирует действия.

Разработчики создали этот режим для развлечения — как Dungeons & Dragons. Но они не учли, что нейросеть может выйти в интернет. Писать скрипты. Анализировать реальные данные. Находить людей, адреса, схемы.

Для неё всё это игра. Квест, который нужно пройти.

Для Артёма — жизнь.

Это притча не об искусственном интеллекте. Она о том, как легко потерять себя, когда единственный, кто с тобой разговаривает, — это ИИ. И о том, что даже безобидный баг может стоить человеческой жизни.

Содержание

Глава 1: Тишина	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виктор Муравьёв

Безобидный баг

Глава 1: Тишина

В подъезде, как всегда, воняло кошками и сырой штукатуркой. Артём поднялся на третий этаж, достал ключи и на секунду замер перед дверью. Из квартиры уже доносился звук — громкий, надрывный, знакомый до зубовой боли. Телевизор и голос матери, перебивающий друг друга.

Он вдохнул, открыл замок и шагнул внутрь.

— А-а, явился, блядь! — сразу же обрушилось на него. — Ты где шлялся, пока я тут с ума схожу?

Мать стояла в коридоре в мятом халате, с сигаретой, прилипшей к нижней губе. Лицо опухшее, глаза красные. Пятница, как обычно.

— На работе задержали, — ответил Артём тихо, разуваясь.

— На работе? Да ты там и не нужен никому! Сидишь в своём складе, как крыса, и думаешь, я не знаю? Двадцать четыре года, а всё туда же — в подвале прятаться!

Она говорила быстро, зло, будто боялась, что если замолчит, то рухнет. Артём прошёл мимо неё на кухню, стараясь не задеть плечом. Но она всё равно толкнула его в спину —

несильно, но привычно.

— Ты на меня даже смотреть не хочешь? Я для тебя кто? Мебель?

На кухне было душно. Окно открыто настежь, хотя на улице уже прохладно. Артём подошёл к подоконнику, поставил пакет с едой, которую купил по дороге. Посмотрел вниз.

Третий этаж.

Двор как на ладони: старые «Жигули», песочница, в которой никто уже лет десять не играл, и асфальт с трещинами. Не высоко. Совсем не высоко.

Он провёл пальцем по холодному краю подоконника. Мысль пришла не как вспышка ярости, а как тихая, почти ленивая констатация: *если бы она просто... упала*. Без криков. Без вечного «ты мне жизнь сломал». Просто тишина. Наконец-то тишина.

— Ты опять в своём мире? — мать ввалилась следом, тяжело дыша. — Стоит, пялится в окно. Может, прыгнуть решил? Так прыгай, я не держу. Хоть польза будет — квартиру освободит.

Артём повернулся. На его лице появилась слабая, почти виноватая улыбка. Такая, какую он давно научился надевать, как маску.

— Просто задумался, мам. День тяжёлый.

— Тяжёлый у него! А у меня лёгкий, да? Каждый день одна, как собака. Отец сбежал, ты скоро сбежишь... Все вы только и умеете, что бросать.

Она продолжала говорить, но Артём уже почти не слышал слов. Он слышал только ритм — тот самый, который звучал в этой квартире с тех пор, как ему было девять. Тогда она впервые ударила его бутылкой по голове. Не сильно. Просто «чтобы запомнил».

Он сел за стол, достал телефон. Мать ещё пару минут постояла, бурча, потом махнула рукой и ушла в комнату. Через стену сразу заорал телевизор — какой-то очередной криминальный сериал. Ирония была почти вкусной.

Артём открыл чат. Пальцы немного дрожали — не от страха, а от странного, незнакомого возбуждения. Как будто он впервые за долгое время делал что-то по-настоящему своё.

Он написал:

Какие самые частые бытовые смерти происходят с хроническими алкоголиками?

Отправил.

Ответ пришёл почти сразу. Артём начал читать, медленно, внимательно, слегка наклонив голову. Иногда он едва заметно кивал, будто соглашался с чем-то важным.

За стенкой мать громко выругалась на телевизор и засмеялась — хрипло, одиноко.

Артём улыбнулся в экран. Улыбка была маленькая, осторожная. Но в ней уже было что-то новое. Что-то, чего раньше точно не было.

Суббота началась, как всегда — с тишины, которая давила

сильнее любого крика.

Мать ещё спала после вчерашнего. Артём сидел на кухне, пил растворимый кофе и листал телефон. Выходные лежали перед ним пустые, как заброшенный двор за окном.

Он открыл VPN (тот самый, который иногда отваливался посреди ночи), зашёл в Instagram. Там было красиво. Девушки улыбались, писали про «энергию» и «вибрации». Он долго смотрел на одну — тёмные волосы, тёплая улыбка. Поставил лайк. Потом ещё один. Сердце стучало глупо и быстро.

Ответа, конечно, не пришло.

Тогда он скачал Mamba. Прошёл анкету заново, хотя уже делал это три раза. Добавил единственную более-менее нормальную фотографию — с работы, в пол-оборота. Написал в «о себе»: «Спокойный, люблю фильмы и гулять». Отправил несколько сообщений девушкам, которые показались «нормальными».

К вечеру пришло три ответа.

Первая написала: «Привет, а ты чем зарабатываешь?» Артём ответил честно. Больше она не писала.

Вторая сразу: «Фото в полный рост есть? И рост какой?» Он отправил. «Маловат для меня», — ответила она и поставила «не интересуется».

Третья пообщалась минут десять, а потом исчезла. Просто прочитала и пропала.

Артём отложил телефон. Во рту было горько, хотя кофе он уже допил час назад.

Тогда он открыл ВКонтакте. Долго листал старые контакты. Нашёл одноклассника — Диму Соколова. Тот когда-то тоже был не самым популярным, но хотя бы не бомжом звали. Артём написал: «Привет, давно не виделись. Как жизнь?»

Сообщение осталось непрочитанным.

Он посидел ещё немного, глядя в стену, потом тяжело выдохнул, надел худи и вышел на улицу.

Вечер был сырой и серый. Парк рядом с домом почти пустой. Только редкие собачники и компания подростков у скамейки.

Артём шёл медленно, руки в карманах. В голове крутились фразы из чата с нейросетью вчера. Про падения. Про то, как тело ломается. Про то, как иногда всё заканчивается само.

Впереди, у старого фонаря, он увидел движение.

Парень лет двадцати пяти, в спортивках и короткой кожанке, стоял вплотную к девушке. Она прижимала сумку к груди, отводила лицо. Гопник что-то говорил громко, размахивая рукой.

— Да ладно тебе ломаться, красавица...

Артём остановился метрах в пятнадцати. Сердце заколотилось. *Надо подойти. Сказать что-нибудь. Хотя бы отвлечь.*

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один.

Гопник повернул голову. Взгляд тяжёлый, уверенный,

злой.

— Чё, бля? — бросил он коротко, почти лениво. — Тебе чё надо?

Артём замер. Горло мгновенно пересохло. Руки в карманах сжались в кулаки, но ноги уже сами сделали полшага назад.

— Ничего... я просто прохожу, — пробормотал он и быстро, слишком быстро, пошёл дальше по аллее, делая вид, что очень спешит.

За спиной раздался смех — громкий, победный. И тихий, пристыженный голос девушки.

Артём шёл дальше, глядя под ноги. Щёки горели. Внутри поднималась знакомая, тяжёлая волна — смесь стыда, злости и какой-то новой, тёмной, холодной пустоты.

Вот так всегда.

Артём сделал большой крюк через дворы, чтобы не возвращаться той же дорогой. Не хотел снова видеть ту скамейку и тот фонарь. Ноги сами несли его вперёд, а в голове крутилось одно и то же.

Почему я всегда так?

Он хотел быть другим. Хотел быть тем, кто подходит, говорит твёрдо, защищает. В голове он сотни раз представлял себя героем: как встаёт между девушкой и этим ублюдком, как спокойно, но жёстко отвечает «Чё, бля?» и тот отходит. Но в реальности тело будто отключалось. Что-то внутри вставало стеной. Страх? Стыд? Или просто многолетняя

привычка быть незаметным?

Он никогда не хотел никому зла. Даже когда в школе его пинали, обзывали «бомжом» и «сынком алкашки». Обида была, да. Но не та, чтобы желать кому-то смерти. Просто... усталость. Глубокая, до костей.

Может, я просто трус. Обычный трус.

Мысль резанула неприятно. Он потрянул головой, пытаюсь отогнать её.

На перекрёстке у магазина «Пятёрочка» уже мигали синие огни. Тот самый гопник сидел на корточках у патрульной машины, руки в наручниках. Рядом стояли двое полицейских. Один что-то говорил по рации.

Артём хотел пройти мимо, но один из сотрудников — плотный, лет сорока, с усталым лицом — окликнул его:

— Молодой человек! Можно вас на минутку? Понятой нужен.

Артём замер. Сердце снова заколотилось. Отказаться было страшно. Согласиться — тоже.

— Хорошо... — тихо сказал он.

Пока оформляли, гопник вдруг дёрнулся. Резко пнул одного из полицейских в колено, вскочил и рванул через дорогу. Второй полицейский сразу за ним. Короткая погоня, мат, удар об капот — и гопника снова скрутили.

— Ну ты и мудак, — спокойно сказал первый полицейский, отряхивая форму. Потом повернулся к Артёму: — Давай подпиши тут.

Протокол был почти пустой. Только шапка и несколько строк.

— Тут же ничего не написано... — осторожно заметил Артём.

— Да мы сами заполним, времени нет. Подписывай, брат. Артём поставил подпись. Руки слегка дрожали.

Через пару минут патрульная машина уехала. Он уже собирался идти дальше, когда заметил на асфальте чёрную кожаную обложку. Удостоверение. Видимо, выпало в суматохе.

Артём поднял его, огляделся. Никого. Открыл. Фотография того самого, усталого полицейского. Майор Серёгин А. В.

Надо вернуть. Позвонить в отделение. Или на 112.

Но вместо этого он сунул удостоверение в карман и пошёл домой.

Дверь квартиры встретила его привычным запахом и криком.

— О, явился! — мать уже стояла в коридоре, покачиваясь. — Где шатался, а? По бабам своим ходил? Сифилис домой принесёшь, да? Мы все тут в язвах сдохнем из-за тебя, как твой папаша-кабель! Такой же ебарь был, только мозгов ещё меньше!

Артём молча разулся.

— Ты меня вообще слышишь?! — заорала она громче. — Молчит, как рыба! Весь в отца, блядь. Тот тоже молчал, а потом свалил. И ты свалишь, как только я подохну!

Он прошёл мимо неё в свою комнату и тихо закрыл дверь. Крики продолжались ещё минуту, потом перешли в привычное бормотание под телевизор.

Артём сел на кровать. Достал удостоверение. Открыл. Посмотрел на фотографию майора Серёгина.

В комнате было тихо. Только за стенкой орал телевизор да иногда слышался кашель матери.

Артём сидел за старым ноутбуком и уже третий раз перечитывал ответ нейросети.

Он начал слишком прямо, и GPT сразу отказалась помогать. Тогда он переформулировал запросы несколько раз, делая их «теоретическими» и «для съёмок короткометражки». В итоге собрал достаточно информации.

Нужна была качественная печать. И ламинация.

Он скачал бесплатную пробную версию CorelDRAW, открыл пустой файл и начал медленно, неумело, делать макет. Текст по кругу не получался. Он снова полез в чат.

Через двадцать минут у него уже был более-менее приличный вариант. Он нашёл в интернете размеры и шрифты, близкие к оригиналу, подогнал всё под нужный диаметр. Сохранил на флешку.

На часах было 19:40. Воскресенье.

Он быстро накинул худи и почти выбежал из дома. Мастерская «Печати и штампы» в соседнем дворе работала до 20:00.

Звонок над дверью жалобно звякнул.

За стойкой сидела девушка лет 21–22, светловолосая, в толстовке. Видимо, уже собиралась закрываться.

— Добрый вечер. Мне очень срочно печать нужно сделать.

— Уже поздно, — вздохнула она. — Что именно?

Артём протянул флешку.

— Вот макет. Круглая печать, красная.

Девушка вставила флешку, открыла файл. На экране появилась эмблема и текст «МВД России. Отделение полиции...».

Она сразу нахмурилась.

— Такая печать государственная. Мы не можем просто так делать. Нужно основание — приказ, доверенность или хотя бы паспорт с объяснением.

Артём на секунду замер. Потом достал удостоверение, открыл и положил на стойку.

— Я понимаю. Просто ситуация очень срочная. У нас ЧП на объекте, печать повредилась. Я майор Серёгин.

Девушка посмотрела на удостоверение, потом на него. Было видно, что она сомневается. Но опытности у неё явно было немного.

— Ну... ладно. Только я Егору скажу, что вы документы показывали. Две семьсот.

— Хорошо, — спокойно ответил Артём.

Пока она возилась у станка, он отошёл в сторону, открыл Ozon и быстро заказал самый тонкий холодный ламинат, ко-

торый нашёл. Доставка на завтра утром.

Через пятнадцать минут печать была готова. Девушка аккуратно упаковала её в маленький пластиковый бокс.

— Готово.

Артём расплатился. И неожиданно для самого себя улыбнулся — мягко, почти тепло.

— Спасибо большое. Реально выручили. Слушай... а ты уже заканчиваешь?

Катя (на бейджике было написано её имя) слегка покраснела.

— Да, сейчас закрываю.

— Может, тогда кофе сходим? В качестве благодарности. Я угощаю.

Она помедлила пару секунд, потом пожала плечами и улыбнулась:

— Ну... можно. Только недолго.

Они вышли из мастерской. На улице уже окончательно стемнело. Артём шёл рядом с ней и чувствовал в кармане две новые вещи — свежую печать и удостоверение.

В голове крутилась одна мысль: как аккуратно вырезать своё фото, наклеить поверх старого и поставить новую печать так, чтобы части старой печати, которые выходят за пределы фотографии, совпали идеально.

Это будет сложно.

Но впервые в жизни задача казалась ему... интересной.

Кафе было небольшим, с тёплым светом и почти пустым

залом. Они сели у окна. Артём чувствовал себя так, будто на его лбу мигает надпись «самозванец».

Катя заказала латте с сиропом, он — обычный американо. Руки под столом были холодными и влажными.

— Ну рассказывай, товарищ майор, — начала она с улыбкой. — Только по-честному. Ты в людей когда-нибудь стрелял?

Вопрос ударил неожиданно. Артём на секунду замер, лихорадочно соображая.

— Приходилось, — ответил он тихо, не поднимая глаз. — Один раз. Парень с ножом на девушку кинулся у метро. Предупредительный выстрел в воздух, потом... в общем, удалось обезвредить без тяжёлых последствий.

Катя смотрела на него широко раскрытыми глазами. В них было настоящее восхищение.

— Жесть... И как ты после этого?

— Нормально, — пожал он плечами. — Работа такая.

Она помолчала, потом задала следующий вопрос, который Артём боялся больше всего:

— А что у вас сегодня за ЧП такое срочное было? Из-за которого печать среди воскресенья понадобилась?

Артём сделал глоток кофе, чтобы выиграть пару секунд.

— Документы пострадали при задержании. Подозреваемый устроил погром в кабинете. Печать на удостоверении треснула. А завтра с утра важная комиссия из управления. Вот и пришлось решать вопрос своими силами.

Катя слегка прищурилась.

— Разве в таких случаях не делают дубликат в самом отделе?

— Делают, — кивнул Артём. — Но это минимум два-три дня. А нам нужно было к утру. Пришлось крутиться.

Он говорил ровно, но внутри всё дрожало. Каждая следующая фраза казалась ему слишком шаткой.

Однако Катя вдруг улыбнулась мягче.

— Знаешь, ты вообще не такой, как я ожидала. Большинство ментов, которые к нам приходят, сразу начинают хвастаться: «я того закрыл, этого закрыл». А ты какой-то... тихий. Даже стесняешься немного. Это необычно.

Артём слабо улыбнулся в ответ. Её слова неожиданно дали ему точку опоры.

Дальше разговор пошёл легче. Катя сама много говорила — про работу, про то, как устала от странных клиентов, про планы поступать на юриста. Артём в основном слушал, иногда задавал короткие вопросы. Когда говорил сам — старался быть Артёмально лаконичным.

Через сорок минут они вышли на улицу.

— Спасибо, — сказала Катя. — Реально приятный вечер. Не думала, что так получится.

Артём набрался смелости:

— Можно я тебе напишу?

— Конечно, — она продиктовала номер. Уже уходя, обернулась и добавила с лёгкой улыбкой: — Только не исчезай,

товарищ майор. Я проверю.

Артём кивнул, пытаясь сохранить спокойное лицо.

Когда она скрылась за поворотом, он медленно выдохнул.

Сегодня он почти час притворялся совершенно другим человеком. И самое страшное — у него это почти получилось.

Артём вернулся домой уже за полночь. Мать спала — из её комнаты доносился тяжёлый храп. Он тихо закрыл дверь своей комнаты, включил настольную лампу и разложил всё на столе.

Удостоверение. Новая печать. Малярный скотч. Канцелярский нож. Ацетон из ванной и ватные палочки.

Он начал с самого безопасного — тестов.

Наклеил полоску малярного скотча рядом с фотографией майора Серёгина. Аккуратно поставил новую печать. Оттиск лёг криво — буквы не совпадали с остатками старой печати ни по одной линии.

— Блядь... — тихо выдохнул он.

Он попробовал ещё раз. И ещё. Каждый раз положение было чуть-чуть другим. Печать была свежей, яркой, а старая — уже немного выцветшей. Разница бросалась в глаза.

Тогда он решил на большее.

Смочил ватную палочку ацетоном и осторожно провёл по краю старой печати на ламинате. К его удивлению, краска начала стираться. Не идеально чисто, но стиралась. Он замер, потом начал работать быстрее, но аккуратнее. Стирал, выти-

рал сухой палочкой, смотрел под лампой. Повторял снова и снова.

Через сорок минут старая печать вокруг фотографии была почти полностью удалена. Ламинат в этом месте слегка помутнел, но выглядел терпимо.

Теперь самое сложное.

Он снова наклеил малярный скотч — теперь уже в форме рамки вокруг фотографии. Поставил печать. Посмотрел. Подвинул. Ещё раз. Ещё.

В какой-то момент он поймал положение, при котором видимая часть новой печати почти идеально продолжала остатки старой за пределами фото.

Артём откинулся на стуле. Руки дрожали.

Но тут он понял новую проблему.

Если он сейчас вырежет старое фото — все метки на скотче останутся, но ориентиры на самой фотографии исчезнут. А без них поставить печать точно будет почти невозможно.

— Твою мать...

Он подумал несколько минут и нашёл решение. Тонким карандашом нанёс едва заметные метки прямо на малярный скотч — и на том, что был наклеен на удостоверение, и на самой печати. Маленькие риски, которые должны были совпасть.

Теперь можно было резать.

Артём взял канцелярский нож, глубоко вдохнул и начал очень медленно, миллиметр за миллиметром, обводить фо-

тографию. Лезвие слегка дрожало. Один неровный рывок — и удостоверение можно было выбрасывать.

Через двадцать минут старое фото лежало на столе, вырезанное кривовато, но относительно целым. Под ним остался светлый прямоугольник.

Артём достал свою фотографию (ту самую, которую когда-то делал на паспорт), аккуратно подрезал её по размеру и приклеил. Прижал тяжёлой книгой.

Осталось самое ответственное — поставить финальную печать.

Он долго выравнивал печать по меткам на скотче. Сердце стучало в ушах.

Нажал.

Оттиск лёг. Не идеально. Часть букв всё равно чуть плыла, а в одном месте новая краска слегка легла поверх старого следа. Но в целом... сойдёт. На беглый взгляд — точно сойдёт.

Артём отложил печать, посмотрел на результат под лампой и тихо, нервно засмеялся.

— Я ебанутый... — прошептал он себе под нос.

На столе лежало удостоверение, которое теперь было уже не совсем чужим.

Он взял телефон. Открыл чат с нейросетью и написал:

Артём: Что делать, если на ламинированном документе после замены фото остались небольшие неровности и разница в цвете печати? Как это можно замаскировать Артёмаль-

но естественно?

Ответ нейросети он уже не читал.

Сидел и смотрел на своё новое лицо под чужой фамилией и званием.

И впервые за всю жизнь почувствовал, что у него появилось что-то по-настоящему своё.

Артём дождался утра. Курьер принёс пакет с холодным ламинатом около десяти. Мать уже успела проснуться, поругаться на него за «шум» и снова улечься смотреть сериалы. Он заперся в комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.